

ВЕТЕР ВОЙНЫ

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

*Ленинград
Июль 1941*

* * *

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних..
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

1943

Первый дальнбойный в Ленинграде

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

1941

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

Сентябрь 1941

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,

Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невиской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942

NOX

Статуя «Ночь» в Летнем саду

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

1942

Победителям

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

1944

* * *

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

1942

* * *

Справа раскинулись пустыри
С древней, как мир, полоской зари,

Слева, как виселицы, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это — из жизни не той и не той,
Это — когда будет век золотой,

Это — когда окончится бой,
Это — когда я встречу с тобой.

Ташкент
1944

Победа

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

2

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

3

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

1942—1945

Памяти друга

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

Луна в зените

1

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

2

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летеиских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моею?

3

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

4

И в памяти, словно в узорной укладке:

Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик — гранатовый куст.

5

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

6

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непрекаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

7. ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, —
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекала.

8

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...

Все равно...
И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

Ташкент
1942—1944

Еще одно лирическое отступление

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах — дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя —
Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи ¹
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи
Под огнедышащим закатом.

И яблони, прости их Боже,
Как от венца, в любовной дрожи.
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.
А я дописываю «Нечет»,
Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя,
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак.

Ташкент
1943

Смерть

I

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

II

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах — и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

Дюрмень
1942

III

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.
А этот первый — этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

Ташкент
Январь 1944

* * *

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепелюсь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

Ташкент
1944

* * *

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

Ташкент зацветает

Словно по чьему-то повелению,
Сразу стало в городе светло —
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

1944

Новоселье

1. ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне полнолуны,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,

Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

1943

2. ГОСТИ

«...ТЫ ПЬЯН,
И все равно пора нах хауз...»
Состарившийся Дон-Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей —
Из кабака и со свиданья!..
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом, залитых, и все же —
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?

1943

3. ИЗМЕНА

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, —
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

1944

4. ВСТРЕЧА

Как будто страшной песенки
Веселенький припев —
Идет по шаткой лесенке,
Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне —
И голуби в окне...
И двор в плюще, и ты в плаще
По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему —
во тьму,
во тьму,
во тьму.

Ташкент
1943

Вереница четверостиший

1

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1961

2

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

3. К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

4. КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1961

5

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

1962

6

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

7

Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!

1963

8

...И на этом сквозняке
Исчезают мысли, чувства...
Даже вечное искусство
Нынче как-то налегке!

9

И скупое оно и богато,
То сердце... Богатство таи!
Чего ж ты молчишь виновато?
Глаза б не глядели мои!

Десятые годы

10. ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

1958

11

И слава лебедью плыла
Сквозь золотистый дым.
А ты, любовь, всегда была
Отчаяньем моим.

Три осени

Мне летние просто невнятные улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая — праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,

Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает — чуть начата повесть.
Секунды, минута — и вот
Приходит вторая, бесстрастна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось — и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

1943

На Смоленском кладбище

А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!
.....
Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе — дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.
Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...

Дюрмень
1942

Под Коломной

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река, —
Все бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,

И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1943

* * *

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1944 <?>

Вторая годовщина

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, —
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

Ленинград
1946

Последнее возвращение

*У меня одна дорога:
От окна и до порога.*

П е с н я

День шел за днем — и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно — но чрез все
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

1944

Надпись на портрете

Т. В—ой

Дымное исчадье полнолуны,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камей.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

1946

* * *

Прошло пять лет — и залечила раны,
Жестоким нанесенным войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря маяки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где выл пожар — благоухает сад.
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, —
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

Май 1950

Cinque

*Autant que toi sans doute, il te sera fidèle
Et constant jusqu'à la mort.*

Baudelaire²

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

3

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

20 декабря 1945

4

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвящение сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

6 января 1946

5

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое крошечное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

**Шиповник цветет
Из сожженной тетради**

And thou art distant in humanity.

К e a t s ³

Вместо праздничного поздравленья

Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

1961

1. СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улета, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

2. НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

1946

3. ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

1946

4. ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,

Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это всё любовью
Бессмертной назовут.

1956

5. ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

*Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестры
Шиповник посажу.*

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1956

6. СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Б л о к

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, —
А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую

Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956

7

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

1956

8

Ты выдумал меня. Такой на свете нет.
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невинский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

1956

9. В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,

Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издавна вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он медленной отравой
В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча, —
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

1956

10

Ты опять со мной, подруга осень!

И н. А н н е н с к и й

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невесты с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

Комарово

1956

11

Против воли я твой, царица, берег покинул.

«Э н е и д а», П е с н ь 6

Не пугайся, — я еще похожей

Призрак ты — иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.

Был недолго ты моим Энеем, —
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

1962

12

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

Москва

1963

13

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

Рим

Ночь. 18 декабря 1964

* * *

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

* * *

...А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, —
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...
Боже, Боже, Боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...

1945

* * *

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

Комарово
1962

Трилистник московский

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину

И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание —
Немного удивленные глаза...
«Что? Что? Уже? Не может быть!» —
«Конечно!..»

И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...
Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.

ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою! И за верность мою!
За то, что с тобою мы в этом краю!

Пусть навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,

И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...

За то, что все плыло, беззвучно скользя.
За то, что нам видеть друг друга нельзя,

За все, что мне снится еще и теперь,
Хоть прочно туда заколочена дверь.

1961—1963

Полночные стихи ***Семь стихотворений***

*Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит...*

Р е ш к а

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

1. ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolée.

Gerard de Nerval⁴

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Протившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

*Комарово
10 марта 1963*

2. ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пусть я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать —
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

*Москва
6 июня 1963*

3. В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

*O quae beatam, Diva,
tenes Cyprum et Memphin...*

Н о г⁵

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.

Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

Комарово
5 июля 1963

4. ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено, —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

5. ЗОВ

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

6. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Все ушли, и никто не вернулся.

Не на листопадовом асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стане
Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони

Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.

Комарово
10—13 сентября 1963

7. И ПОСЛЕДНЕЕ

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23—25 июля 1963

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

1965

¹ «M-elle Fifif» (фр.) — в одноименном рассказе Мопассана — прозвище офицера, отличавшегося изощренной жестокостью.

² Как ты ему верна, тебе он будет верен
И не изменит до конца.

Б о д л е р (фр.)

³ И ты далеко в человечестве. Китс (англ.).

⁴ Ты, которая меня утешала. Жерар де Нерваль (фр.).

⁵ О богиня, которая владычествует над счастливым островом Кипром и Мемфисом... Гораций (лат.).